



Предлагаемое сегодня чтение из Послания к Галатам имеет очень большое значение. Эти строки завершают послание. Мы знаем, что в те далекие времена письма писались собственноручно очень редко. Как правило, они диктовались специальным писцам, «стенографам» по-гречески, «скорописцам» по-славянски. Сам автор прикладывал свою руку только в конце письма. Апостол Павел, следуя этой древней традиции, тоже диктует свои послания, в конце подписывая их замечательной формулой пожелания благодати Божией, ставшей образцовой для христианских посланий. В Послании к Галатам Апостол отступает от принятого обычая и собственной рукой пишет не только заключительную формулу благопожелания, но весь тот отрывок, который сегодня предложен для нашего чтения. Этот факт подчеркивает важность того, что он желает сообщить в нескольких предложениях.

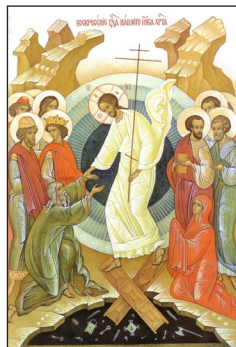
Апостол пишет «большими буквами». Современный русский читатель, знакомый преимущественно с Синодальным переводом Библии, привык к другим словам: «Видите, как много написал я вам своею рукою». Здесь мы сталкиваемся с переводческой ошибкой. На церковнославянском языке это место звучит так: «колицеми книгами». Переводчик наивно воспринял славянское слово «книга» как русское «книга», в то время как оно означает «буква». Трудно сказать, почему Апостол писал «большими буквами». Одни предполагают, что тем самым он желал придать большой вес написанному, как бы выделяя его. Другие, как святой Иоанн Златоуст, считают, что эти слова Апостола указывают «не на обширность послания, а на недостаточную красоту почерка». Третьи обосновывают размашистый почерк плохим зрением из-за болезни глаз, на которую Апостол намекал уже в этом послании (Гал 4,13-15). Как бы то ни было, завершающий раздел представляет собою как бы итоговую черту под всем Посланием к Галатам. Речь Апостола окрашена искренним чувством и большой проникновенностью. Давно замечено, что всё Послание к Галатам написано по образцу апологии, защитительной речи. Апостол защищает Евангелие, защищает свой апостольский авторитет, который подвергался сомнению и даже совсем отвергался его противниками из числа иудействующих христиан. Как и положено, в конце своей апологии Апостол вкладывает весь авторитет своей личности. Пожалуй, ни одно из других посланий Апостола Павла не имеет такого впечатляющего заключения.

Апостол снова атакует своих противников, как и в самом начале послания, где он предаёт их анафеме за искажение Еванге-

лия спасения для всех людей, а не только для иудеев. Считая, что крестной смерти и воскресения Иисуса Христа для спасения недостаточно, иудействующие христиане настаивали на обрезании и соблюдении закона Моисея, поскольку полагали, что именно от этого зависит спасение, так как Мессия Иисус пришел к обрезанным иудеям, а не к необрезанным язычникам. Побудительные мотивы их поведения Апостол Павел описывает самыми мрачными красками. Их цель – произвести впечатление на людей их миссионерскими усилиями присоединения к числу обрезанных как можно больше язычников. «Если не обрежетесь,... не можете спастись» (Деян 15,1). Таков был лозунг иудействующих христиан. Центральным здесь было понятие «плоти». Они, как пишет Апостол Павел, «хотят отличаться», то есть покрасоваться «плотью». Они гордились своими «плотскими» преимуществами и «плотским» превосходством. Далее, они хотят «похвалиться вашей плотью», то есть заслужить одобрение в Иерусалиме тем, что они обрезали еще нескольких язычников. Слово «плоть», повторяющееся в тексте, здесь означает именно операцию обрезания на человеческой плоти, не на сердце. Бог действительно дал Аврааму заповедь обрезания, как знака Своего завета. Но ведь само по себе обрезание на плоти, как внешняя хирургическая процедура, ничего не значило. Об этом говорили уже великие ветхозаветные пророки. Тем не менее, иудеи придавали обрезанию принципиальное значение, настаивая, что спастись без него никто не может. То, что такая точка зрения предельно нелепа и граничит с магией, прекрасно создавал Апостол Павел. Важен ведь не сам знак, а то, что этот знак обозначает, то есть важна вера, самоотдача Богу, посвящение себя Ему. Обрезание плоти символизировало обрезание «сердца». И если такового не произошло, то обрезание плоти теряет всякий смысл. Поэтому важно не то, обрезан ли человек, но то, рожден он или не рожден свыше и является ли теперь новой тварью, новым творением Божиим на месте ветхого творения.

Второй упрек Апостола Павла в адрес его противников касается плохого исполнения Закона как раз теми, кто и сами обрезаны и других принуждают к обрезанию. Теперь они хотят собственный недостаток исполнения Закона, собственное лицемерие сгладить тем, что они через обрезание успешно присоединяют к Закону других. Этим-то они и хвалятся, «плотью» других.

Поведению противников Павел противопоставляет самого себя. Он не хвалится



«плотью», ни своей собственной, ни чужой. Вместо этого он «хвалится» Крестом Христовым. А Крест как раз и означает уничтожение «плоти», понимаемой как человеческое самохвальство в греховной удаленности от Бога. Похвалы заслуживает только Крест, а не «плоть», которая «желает противного Духу» (Гал 5,17), ибо «те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» (Гал 5,24). Никакие

человеческие дела, дела «плоти» и мира, не смогли сделать то, что сделал Бог на Кресте, на котором произошло искупление из рабства греху, смерти и Закону. Поэтому мир для Апостола Павла больше не представляет прежней ценности, равно как и его человеческое Я больше не существует для этого мира. Лишенный своей силы и ценности мир больше не представляет для него никакой угрозы, никакого соблазна, он – в некотором смысле ничто. И наоборот, он для мира больше не представляет никакого интереса: он покинул этот мир. Оба не существуют друг для друга, стали ничем, и всё это через смерть Иисуса на Кресте!

Новый, сотворенный через Крест и Воскресение мир абсолютно не зависит от обрезания или необрезания. Он – «новое творение». Исчерпан старый мир и всё то ветхое, что ему принадлежит (2 Кор 5,17). В мире уже присутствует нечто новое, не только в Самом Христе, «первенце из усопших» (1 Кор 15,20), но и во всех, которые через крещение вместе со Христом сораспяти и совоскрешены. Так Бог, по ту сторону иудейства и язычества, во Христе положил новое начало. То, что иудейские пророки ожидали в будущем, уже теперь стало действительностью. Или, иначе говоря, если уже начался новый мир, а старому пришёл конец, то мы живём уже в конце времён. Мы переживаем переход к уже наступившему новому времени. Будущее – уже настоящее. Таково самоощущение Апостола. Таковым должно быть самоощущение всех христиан как нового Израиля Божия.

Отвергая от себя все досадные разговоры о необходимости обрезания и несения бремени закона Моисея, Апостол Павел ссылается на те рабские «клейма» (так в буквальном переводе), на знаки принадлежности Христу, которые он носит на своем теле. Возможно, это рубцы и шрамы, оставшиеся от побоев и издевательств, которые испытал Апостол за Христа. Вот такими знаками на «плоти» он по праву может хвалиться.

Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев)

ЧТО ГОВОРИТ БИБЛИЯ О ДЕТСТВЕ?

Дети – самое главное в нашей жизни, так принято говорить, а детство – это самое счастливое время... В СССР детей даже называли «единственным привилегированным классом». Но в Библии мы не встретим ничего подобного. Как же относились в библейские времена к детям, и почему это отношение было не слишком похоже на наше нынешнее?

ДЕТСТВО ДРЕВНИХ

«Иов жил сто сорок лет, и видел сыновей своих и сыновей сыновних до четвертого рода; и умер Иов в старости, насыщенный днями». Так описывает Библия благополучный исход человеческой жизни (Иов 42:16–17). Долголетие – это понятно, но что еще включает библейский текст в эту «насыщенность днями»? Богатство, успешную карьеру, известность, творческие успехи, любовные приключения, интересную работу, верных друзей? Да, пожалуй, богатство; но, прежде всего – многочисленное потомство, а вот всё остальное – это уж как получится.

Мы видим, что бездетные библейские персонажи, даже вполне обеспеченные, вместо того, чтобы наслаждаться статусом чайлд-фри, воспринимали бездетность как настоящую трагедию. Так плакала об отсутствии детей Анна, будущая мать пророка Самуила (1Цар 1), а позднее – Елисавета, будущая мать Иоанна Крестителя. И когда она, наконец, забеременела, то сказала об этом: «так сотворил мне Господь во дни сии, в которые призрел на меня, чтобы снять с меня поношение между людьми» (Лк 1:25), – то есть бездетность была своего рода клеймом.

Но при этом наши дальние предки совершенно бы не поняли – не в том смысле, что не одобрили, а именно бы не поняли – такие черты нашего мира, как особая «культура детства» и ориентированное на детей общество, в котором взрослые все охотнее смотрят блокбастеры и носят одежду, предназначенную изначально для детей. И, наоборот, мы, глядя на их жизнь, поражаемся тому, как жестоко, с нашей точки зрения, они обходились со своими детьми, причем такое отношение мы находим практически у всех древних народов. Широко известен спартанский обычай сбрасывать не понравившихся новорожденных со скалы, но и по ранним законам Римской республики отец семейства обладал практически неограниченными правами над всеми, кто в семейство входил, и разница между рабами и детьми была тут не такой уж и большой. Он, например, мог продать своих домочадцев в рабство и даже казнить. Притом сына можно было продать даже три раза – только после третьей продажи отец терял на него права (с дочерью это происходило после первой продажи). Поэтому, кстати, и апостол Павел пишет: «наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба, хотя и господин всего: он подчинен попечителям и до-

моправителям» (Гал 4:1–2).

Итак, жизнь и благополучие ребенка вовсе не обладали такой безусловной ценностью, как сегодня. Может быть, отчасти тому причиной высокая детская смертность: детей тогда умирало больше, чем стариков, просто потому, что до старости доживали немногие. Старик, сумевший пройти свой жизненный путь и набравшийся мудрости, обладал куда большей ценностью в глазах общества, чем ребенок, из которого еще не известно, что получится. Таково свойство практически всех архаичных обществ. Ребенка в древности не воспринимали как самостоятельную личность, а скорее как продолжение личности отца, вложение в его собственное будущее – даже, можно сказать, особо ценное имущество. Соответственно, отец был вправе распоряжаться им, как угодно – продать, уничтожить, пожертвовать богам (о таких жертвах у язычников шла речь в 21-й главе). Но, с другой стороны, разве нынешняя свобода абортот не практикует точно такое же отношение к зачатым, но еще не рожденным младенцам? Спартанцы сбрасывали со скалы тех, кто еще не обрел сознания, не стал частью общества. Сегодня в медицинских учреждениях выбрасывают тех, кто даже еще не родился, но принципиальной разницы между двумя нормами я не вижу. Вопрос только в одном: до какого этапа уникальный человеческий организм не считается личностью, обладающей правами?

Впрочем, в древности правами обладали и не все взрослые личности, а, по сути, только те самые главы семейств и, в меньшей степени, их жены. Да и говорить о правах личности в том обществе никому бы не пришло в голову: первична была не личность, а род. Тот, кто его возглавлял, обладал безусловной властью именно потому, что род должен был сохранять свое единство. Дети – это будущее рода, а вовсе не индивидуальности, поэтому глава рода сам выбирает, как поступать с каждым из них. Ему виднее.

ВЕРА ПО НАСЛЕДСТВУ

«Сделаю потомство твое, как песок земной», – обещал Бог Аврааму, заключая с ним завет (Быт 13:16). Но еще раньше Он заповедал Адаму и Еве: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт 1:28); а затем повторил те же слова Ную (Быт 9:1). С самого момента сотворения у человека есть определенная задача в этом мире: заселить его свои-

ми детьми. Обратим внимание, Адаму и Еве заповедь о размножении была дана еще до грехопадения, то есть до того, как смерть стала для них неизбежностью. Так



что рождение детей – вовсе не вынужденная мера, призванная восполнять смертность, но нечто самоценное, необходимое по замыслу Божию.

Библия не разъясняет подробно, почему это так. Но мы можем самостоятельно сделать выводы, глядя на историю патриархов, начиная от того же Авраама. Бог заключает завет не с одним человеком, а с целым родом, происходящим от него: Авраам передаст свое благословение сыну от любимой жены, Исааку (хотя у него были и другие дети – Измаил от Агари и шесть сыновей от Хеттуры). Далее Исаак передает его Иакову (хотя изначально старшим считался его близнец Исав). И только сыновья Иакова получают благословение все, в равной мере. То есть завет с Богом – не просто однократный дар, но некое семя, которое падает в почву и постепенно прорастает в ней, раскрывая в каждом новом поколении какие-то новые грани. Да, Он мог бы договариваться лично с каждым человеком, но Он предпочел действовать в истории многих поколений.

Ветхий Завет, то есть договор Бога с народом Израиля, стал продолжением договора с Авраамом. Это не просто коллективная ответственность, до некоторой степени естественная в нашем мире (новые поколения живут в условиях, созданных их отцами и дедами), но именно договор Бога и целого народа. Смысл этого договора должен был раскрываться в общественной, политической и религиозной жизни Израиля, становясь уроком для всего человечества.

Отсюда вытекало и особое внимание к продолжению рода. К примеру, израильтяне не знали частной собственности на землю в полном смысле этого слова: земля принадлежала семье, роду, племени, наконец – народу Израиля, но не отдельным израильтянам. Каждый крестьянин был всего лишь временным хранителем своего надела, который он получал от предков и оставлял потомкам; строго говоря, он не имел права продавать свой надел на-

совсем, а лишь отдавал его в аренду до следующего юбилейного года (хотя это правило, конечно, частенько нарушалось).

Примерно так же обстояло дело и с семьей – в 24-й главе уже описывался обычай левиратного барака, при котором младший брат или другой родственник «восстанавливал семя» тому, кто умер бездетным, чтобы у него все же были потомки, которые могли бы унаследовать его земельный надел.

Точно так же и религия Ветхого Завета была религией целого народа, а не отдельных личностей. Да, пророки постоянно подчеркивали личную ответственность перед Богом каждого отдельного человека, но сама эта ответственность строилась на главном: «ибо ты народ святой у Господа Бога твоего, и тебя избрал Господь, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле» (Втор 14:2). Дни праздников и дни траура всегда оставались днями, когда народ «представлял пред Богом» как единое целое.

Задумавшись над самым главным праздником Ветхого Завета – Пасхой. Что отмечалось в эту ночь? Исход израильского народа из Египта. В ту ночь Господь погубил всех первенцев египтян, но пощадил детей Своего народа, Своего первенца – Израиля, и освободил его. И не случайно по сей день в еврейских семьях принято, чтобы самый младший спрашивал самого старшего о смысле праздника, а тот рассказывал бы ему историю Исхода. Праздник в библейском понимании этого слова – день встречи разных поколений друг с другом и с Богом, а не просто повод для богослужения или застолья.

ЧТО ВМЕСТО «КУЛЬТУРЫ ДЕТСТВА»?

В Библии, особенно в Ветхом Завете, можно найти некоторые рекомендации по воспитанию детей. В основном, они сводятся к призыву быть с ними построже, это ведь из книги Притчей взят бессмертный афоризм: «пожалеешь розгу – испортишь ребенка» (в Синодальном переводе: «кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его», Притч 13:25). Впрочем, это не совсем о детстве и уж совсем не о вечном нашем вопросе «бить или не бить». Использованное здесь древнееврейское слово шевет не обязательно означает инструмент наказания, часто это символ власти: посох пастуха или жезл царя. Это слово часто употребляется в сугубо положительном значении, например: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня» (Пс 22:4).

Да и под сыном здесь совершенно не обязательно подразумевается ребенок, скорее молодой парень, который много чего может натворить. В книге Второзакония (21:18–21) есть даже предписание о том, что родители могут потребовать смертной казни для своего непокорного и буйного сына – правда, в отличие от римского права, такой приговор утверждался



старейшинами и приводился в исполнение всей общиной, так что самодурству был бы поставлен предел.

Так вот, знаменитый стих из книги Притчей, скорее, стоит понимать так: отцовская власть над сыном и его обязанность воспитывать своего потомка и наследника не подлежат ни сомнению, ни отмене. Да, в те времена эта власть осуществлялась не без помощи розог, а то и более радикальных мер, но Библия говорит здесь о принципе, а не о технологии.

А вот «культуры детства», столько популярной сегодня, в Библии не видно. Детей там много, они зачастую играют важную роль, но отдельно о них ничего не говорится.

Какие им пели колыбельные, когда начинали приучать к труду, какие игры они любили, – мы можем об этом только догадываться. Впрочем... Есть, пожалуй, одно исключение – рассказ о примечательном эпизоде из детства Самого Иисуса.

«И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник. Когда же, по окончании дней праздника, возвращались, остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Матерь Его, но думали, что Он идет с другими. Пройдя же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми и, не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его. Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его. И, увидев Его, удивились; и Матерь Его сказала Ему: Чадо! что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя. Он сказал им: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? Но они не поняли сказанных Им слов. И Он пошел с ними и пришел в Назарет; и был в повиновении у них. И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем. Иисус же преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков» (Лк 2:42–52).

А теперь представим себе эту картину со стороны. Двенадцатилетний мальчишка (ведь еще никто, кроме родителей, не знал, кто Он на самом деле) заходит в

храм и начинает беседовать со священниками и духовными наставниками. И они не только не прогоняют его, но уважительно выслушивают, вступают в разговор и дают похвальную оценку. А родители, обнаружив его трехдневное отсутствие, не стали ругать его, а всего лишь «удивились». Не правда ли, трудно представить себе такую сцену в наши дни?

Нечто подобное, кстати, мы встретим и в Ветхом Завете: пророк Самуил еще в детстве получил от Господа откровение о судьбе не кого-нибудь, а самого первосвященника Илия, и первосвященник выслушал его с глубоким уважением (1 Цар 3).

По-видимому, дело в том, что дети не воспринимались как какая-то особая категория людей, чей мир отделен от мира взрослых, и это означало, что относиться к ним следовало совершенно серьезно. Совершеннолетие подразумевало не достижение определенного законом возраста, а способность человека на деле доказать свою способность мыслить и поступать самостоятельно. И по этому признаку даже двенадцатилетний мог беседовать на равных с храмовыми священниками, но, с другой стороны, и двадцатипятилетний мог получить воспитательных розог. И, честное слово, иногда жалеешь, что прошли те времена.

Ветхий Завет согласился, казалось бы, с существовавшей в те времена родовой структурой общества, но он преображал ее изнутри, подчеркивая личную ответственность каждого человека перед Богом. Это касалось и детско-родительских отношений: от детей по-прежнему требовалось беспрекословное послушание, но одновременно устанавливались высокие нормы для самих родителей. Собственно, и в Новом Завете мы видим продолжение той же самой линии. Павел пишет: «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость... И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Еф 4:1–4).

Слова «не раздражайте» могут быть поняты сегодня так, что родители ни в коем случае не должны вызывать неудовольствие своих детей (и похоже, что скоро государство и в самом деле начнет этого требовать от них). Но в тех условиях, когда отцы юридически обладали полной властью над своими детьми, это понималось, конечно, совсем иначе, как запрет на ненужную жестокость. Но главное даже не это: апостол указывает на нечто куда более высокое, чем отцовская власть и авторитет; он показывает, что и они имеют свое начало в воле Божией и должны поэтому с ней всегда согласовываться.

С другой стороны, как пишет Павел, во Христе мы все сделались детьми Божиими, а в Его крестной смерти – и сонаследниками, то есть полноправными гражданами Царства. Социальные различия не упразднены, но в христианстве больше не должно быть ни всесильных тиранов, ни бесправных домочадцев. Ну, а насколько исполняется этот завет – это уже отдельная история... История христианства.

Андрей Десницкий

Расписание богослужений с 5 по 11 ноября 2018 г.		
5 ноября Понедельник	Апостола Иакова, брата Господня по плоти	8:30 Утреня. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
6 ноября Вторник	ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ»	8:30 Утреня (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
7 ноября Среда	Мчч. Маркиана и Мартирия	8:30 Утреня. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
8 ноября Четверг	ВМЧ. ДИМИТРИЯ СОЛУНСКОГО	8:30 Утреня (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
9 ноября Пятница	Мч. Нестора Солунского	8:30 Утреня (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
10 ноября Суббота	СВТ. ДИМИТРИЯ, МИТР. РОСТОВСКОГО	8:30 Утреня (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
11 ноября Воскресенье	НЕДЕЛЯ 24-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ ПРМЦ. АНАСТАСИИ РИМЛЯНИНИ	7:45 Молебен с акафистом 8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/все священнослужители/</i>

СВ. ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

ДЕТИ В ХРАМЕ БОЖИЕМ

Трудно найти хоть мало-мальски основательную причину, которою можно было бы оправдать отказ детям в посещении храма Божия. Иные говорят, что высота действий веры выше понятий дитяти, но кто ж не знает того, что таинства веры приемлются сердцем? Если есть сердце у детей, то, значит, есть и приют веры. Да, есть, и еще какое! Такое, которое нам, совершеннолетним, ставится в образец: «аще не будете яко дети, не внидете в Царствие Божие», — сказал Сам Спаситель (Мф.18:3). Прибавьте к этому, что атмосфера храма, в котором вместе со всеми его священнодействиями осимволена вся вера наша, — атмосфера эта чиста, небесна, божественна. Кто же способнее дышать и оживляться этим воздухом? Мы ли, избитые падениями, израненные страстями, омраченные суетой, или эти невинные души? Не возбраняйте же детям приходить в храм Божий: они тут в настоящей своей сфере.

С другой стороны, как всякая другая жизнь возбуждается, развивается и зреет невидимо, сокровенно, неуловимо для наблюдения, так и жизнь духовная зарождается и сплетается тайными путями, глубже нашего сознания. В семени, брошенном в недра земли, спит росток: скажите, как возбуждается он к жизни? Укажите этих сокровенных возбудителей и пути, которыми проникают они к сердцу семени. Тут участвуют и солнце с своею теплотою, и земля с своею влажностью, но главные ли они деятели или только проводники других деятелей — никто не может сказать этого определенно. Вот и мы дышим, и дыханием, в связи с другими условия-

ми, поддерживаем в себе огонь жизни: кажется, тут ничего нет особенного, кроме механического движения груди, входа и выхода воздуха, а между тем, под этим видимым совершается невидимо для нас втечение высших живительных стихий из атмосферы, которые, проходя к истокам жизни нашей, освежают, питают и усиливают ее. Такими же невидимыми наитиями возбуждается, развивается и зреет в нас жизнь духовная. «Не приходит, — говорит Господь, — Царствие Божие с усмотрением» (Лк.17:20). Неведомо как то объемлет душу веяние любви Божией, то освежает ее дыхание благоговейного страха Божия, как дыхание утренней прохлады, то оживляет движение теплоты сердечной — и при сих только действиях мы и живем духом. Напрасно, стало быть, и в этом отношении хотят ограничить все ведением. Нет, для образования и укрепления жизни духовной — одно условие: держать ее непрестанно под влиянием действий, в которых сокрыты Божественные силы, чтобы пользоваться притоком их и наитием. Где же все это? В храме Божием. Не воспрещайте же детям приходить в него.

Понимание святой веры и ее действий должно прийти после, как цвет по образованию ствола, чтобы принести потом зрелый плод сознательного благочестия. Но ясные понятия о предметах веры только тогда благотворны, когда по образовании своем в душе они найдут на деле уже готовую благочестную жизнь, ибо тогда они освещают ее сознанием и тем еще более делают ее прочною и несокрушимою. Но что в этих понятиях, когда они застанут уже образовавшуюся и окрепшую в привычках жизнь, совершенно противоположную им! Это будет пустоцвет, не могущий дать плода. Когда понятия в разладе с чувствами, их встречают недо-

верием, колеблют сомнением и изгоняют отрицанием. Этого ли хотите вы от детей ваших? Если нет, то приводите их в храм Божий, где так благодатно размягчается почва сердца для приятия всего, елика суть честна, елика добродетельна. Верите ли вы тому, что потребность благочестия жива и сильна у детей, хоть и не осмыслена и не введена в формы? Если верите, то не заглушайте этого ростка духовно-спасительной жизни допущением или учреждением для детей такого порядка жизни и занятий, который отдалял бы их от Церкви и отчуждал от нее. Если допустите это, то станете убивать душу прежде, чем она достигнет возраста, в котором сама может не бояться за себя и не страшиться убивающих тело.

ПОХОТНАЯ СТРАСТЬ

Надобно различать проявления незаконности в страсти похотной. Плотские движения естественны в теле, и в них нет греха. Грех в том, как относится к ним человек с своею свободою и совестью. Кто услаждается этими движениями, произвольно возбуждает их и готов удовлетворять им, тот похотствует. Кто частым удовлетворением этой похоти образует в себе склонность к услаждениям ее, тот болезнует похотною страстию, которая тяготит, томит и мучит его тирански. В этом состоянии она овладевает всем человеком, и он начинает проводить жизнь свою только среди таких порядков, которые могут питать и услаждать ее. Ради сласти, доставляемой удовлетворением этой страсти, она называется сладострастием. По разрушительным действиям своим на душу и тело страсть эта у апостола именуется похотию злою (Кол.3:5), а по унижению ею разумного существа — страстию «безчестия» (Рим.1:26).